

18+

Оксана Молодцова

Мемуары Адолфий

Прозорливость
не возраст,
а дар

Оксана Молодцова

Мемуары Адольфии

«Издательские решения»

Молодцова О.

Мемуары Адольфии / О. Молодцова — «Издательские решения»,

«Мемуары про Адольфию» — книга из цикла «Потерянный свет». В ней загадочная Адольфия Смирнова, одна из сильнейших героинь первой истории, делится сокровенными переживаниями и открывает читателям свой дневник — так раскрывается её внутренний мир и тайные стороны судьбы.

© Молодцова О.

© Издательские решения

Содержание

МЕМУАРЫ АДОЛЬФИИ	6
ГЛАВА 1	8
НАЧАЛО	8
Тёплые воспоминания	10
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	14
ВОЙНА	14
ГЛАВА 4	18
ЖИЗНЬ В ГРЕЦИИ	18
ВСТРЕЧА	22
УЖИН	23
КАРТЫ	26
ГЛАВА 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мемуары Адольфии

Оксана Молодцова

© Оксана Молодцова, 2026

ISBN 978-5-0071-1716-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МЕМУАРЫ АДОЛЬФИИ ИЗ ЦИКЛА: ПОТЕРЯННЫЙ СВЕТ ПРОЛОГ

После событий, произошедших в семье Паплавских, всё имело логическое завершение, и жизнь героев вошла в привычное русло. Однако Адольфия пока не торопилась возвращаться в Калининград. Она хотела дать время Жанне прийти в себя и восстановить душевное равновесие. Чтобы Жанна с Женей и Антоном могли навестить родителей в Ярославле и по-настоящему отдохнуть эмоционально.

Сама же Адольфия вызвалась помочь в галерее. Она решила лично подобрать подходящего кандидата на эту роль, чему Жанна была несказанно рада. Наступали предновогодние дни, и погода радовала пушистыми снегопадами и лёгким морозом, который создавал на окнах причудливые узоры.

Жанна с Женей готовились к каникулам в Ярославле, а Адольфия настояла, чтобы они ни в коем случае не вмешивались в работу галереи — она сама займётся всеми выставками Жанны. Жанна удивилась такому порыву старушки, но сопротивляться не стала. Она погрузилась в украшение дома, наполняя комнаты праздничным сиянием гирлянд и ароматом хвои. Кристина активно помогала ей, и, казалось, все забыли о магии и погонях.

По вечерам они собирались у камина, где потрескивали поленья, наполняя пространство уютным теплом и древесным ароматом. Мягкий свет свечей играл на стенах, создавая причудливые тени. Адольфия часто рассказывала истории из своей бурной молодости, и Жанна заслушивалась ими. Для неё эти рассказы были как сказки на ночь — интересные, добрые, а порой и волнительные истории для большой девочки, которая верит в чудеса.

Жанна устраивалась в своём любимом кресле, укутавшись в пушистый плед с вышивкой, с кошками на коленях и Антоном рядом. В руках она держала кружку с горячим клубничным киселем, от которого поднимался душистый пар, а в комнате царил аромат выпечки и хвои.

Однажды вечером, накануне католического Рождества, Женю осенила идея. Видя, с каким упоением Адольфия рассказывает свои истории и с каким интересом слушают её Жанна и Кристина, он предложил:

— Адольфия, а что если вам издать сборник своих историй? Написать об этом книгу?

— О, — лукаво улыбнулась старушка, — а ведь Евгений дело говорит. Я подумывала об этом лет пять назад... Да и Ирина мне тоже об этом говорила: «Мама, тебе есть что поведать миру».

— Мемуары от Адольфии, — хихикнула Жанна. — А что, звучит! Адольфия, давайте, напишите свои истории! У меня есть знакомый издатель, думаю, будет спрос.

— Ох, даже не знаю, дорогие. Погляжу, что я буду делать в новогодние каникулы, — ответила Адольфия, деловито поправляя косу, которую заплела вокруг головы с диадемой. — У меня ещё назначено два свидания со спонсорами.

— А со спонсорами ли? — хихикнула Жанна.

— Жанночка, да, антиквары моего возраста любят дам постарше, а вас они считают за малолеток, поэтому общаться с такими дядями посылай свою старушку Адольфию, — Адольфия элегантно встала с дивана и сделала реверанс. В своём длинном бархатном платье цвета изумруда, расшитом серебряными нитями, это выглядело весьма эффектно.

— Тоже мне старушка, — снова хихикнула Жанна.

— Ладно, дети мои, вьюга сегодня что-то разгулялась, и кости к ночи ломит. Пойду-ка я пораньше спать. Я должна завтра свежо выглядеть, — сказала Адольфия и, попрощавшись со всеми, удалилась в свою комнату.

Приняв душ и смыв косметику, Адольфия надела шёлковый пеньюар цвета шампань с нежными кружевами. Она села перед зеркалом в позолоченной раме, чтобы расчесать свои длинные пепельные волосы, которые переливались в свете ночника. Глядя на себя в зеркало, она улыбнулась. В уголках серо-голубых глаз были едва заметные морщинки, и на лбу проступали лёгкие линии. Губы игриво разошлись в улыбке, но глаза продолжали блестеть.

Смотря в своё отражение, она не могла думать о плохом в своей жизни, хотя и такого хватало. Она любила жизнь. Всегда вспоминала что-то хорошее или уроки, которые сделали её сильнее и мудрее. Причесав волосы и положив гребень на столик, она облокотилась на локти и положила лицо на ладони, продолжая смотреть в отражение.

— А почему бы и нет! — сказала она вслух. — Мне действительно есть что рассказать своим потомкам. Может быть, для кого-нибудь я стану примером или, наоборот, уберегу от ненужных действий. Решено, буду писать!

И довольная собой она отправилась спать, где её уже ждала мягкая постель с белоснежным бельём и ароматными подушками.

ГЛАВА 1

НАЧАЛО

Всё, что я решилась написать здесь, дорогой мой читатель, — это, можно сказать, моё откровение перед самой собой. В первую очередь я пишу своё откровение для кого-то с предостережением, а для кого-то мои слова могут показаться бредом и выдумкой престарелой дамы. Но вы можете считать это как угодно — всё, что я изложу в своих историях, чистая правда. Это моя жизнь!

Если бы не произошло со мной то, что произошло, и то, о чём ты узнаешь из этой книги, не было бы той Адольфии, которая решилась рассказать тебе обо всём. Надеюсь, ты не отступишь после первой главы, и твои волосы не зашевелиятся где-нибудь под заголовком «Юность». Очень на это надеюсь.

Рождение

Итак, начну с начала. Я родилась в середине лета, во время сильной грозы, когда в саду отца созревали первые персики. Наша семья жила в маленьком южном городке. У нас был большой трёхэтажный дом с множеством окон, собственное хозяйство и даже крестьяне. По современным меркам нас можно было бы назвать бизнесменами среднего класса. Да, наша семья жила хорошо.

Мои родители — граф и графиня Братиславские — были не только врачами, но и учёными. Отец постоянно ставил опыты и создавал лекарства из трав, которые пользовались большим спросом. Заказы поступали не только из области, но и из самой столицы.

К сожалению, для моей матери эти роды были первыми и дались ей нелегко. После этого мои родители уже не могли иметь детей, что, конечно, огорчало их. Но, возможно, это было к лучшему, ведь наше поместье всегда было наполнено разными детьми и людьми, которые приходили к нам за помощью, и мы никогда не отказывали.

Судьба

Родилась я под счастливой звездой. Не знаю, как вы, но, оглядываясь назад и изучая позже астрологию, я понимаю: родись я на пять минут позже или на двадцать минут раньше — моя жизнь сложилась бы совершенно иначе. Не было бы той самой Адольфии, что сейчас сидит перед вами в вашем воображении и смотрит с ухмылкой.

Но это отступление. Будьте немного терпимее к моему возрасту — я буду иногда отвлекаться и забегать то вперёд, то назад. Так бывает, когда тебе немного за...

Первые дни

Матери мои роды дались нелегко, и когда меня извлекли на свет, я не издала ни звука. Акушерка хлопнула меня по попке, но я молчала. Она хлопнула снова — я продолжала молчать. И молчала я не потому, что не хотела кричать. Мне было жалко свою мать.

Последние месяцы, находясь у неё в утробе, я не давала ей покоя. Мне было так тесно, что я искала развлечения днём и ночью — отталкивалась от одного края утробы, чтобы доплыть до другого. Когда мать гладила живот, и мне было щекотно, я пиналась ногами. Я долго не понимала её слов: «Да когда же ты уже оставишь меня в покое и успокоишься!»

Поэтому, когда я родилась, решила оставить её в покое. Подумала, что если закричу, матери станет совсем плохо. Только после того, как отец взмолился небесам и крикнул: «О боги! Сделайте же что-нибудь!» — я не выдержала и закричала в такт ему на своём младенческом языке. Все вздохнули с облегчением, а мать потеряла сознание.

Это событие оставило психологическую травму — я не разговаривала до трёх лет. Не потому что не могла, а потому что каждый раз, когда пыталась что-то сказать, отец повторял: «О боги! Сделайте же что-нибудь!»

Признаться честно, я была неусидчивым ребёнком. Мать напоминала мне до пятидесяти лет, что я «сидела у неё в печёнках» и что она посидела раньше времени не из-за войны, а из-за моих выходов, которые я устраивала с утробы.

Детство

Примерно в пять лет я начала осознавать, что расту в необычной семье. Мои родители были не просто врачами, но и учёными. Отец не разрешал мне заходить в его лабораторию без сопровождения няни или матери. Сколько интересных вещей хранил он в этой комнате!

Там было множество пробирок, тысячи папок, колбочек и трав, сложенных в пакетики, мешочки, контейнеры. Они стояли в ящиках или просто лежали связанными в стопки. Повсюду стеллажи с книгами — очень много книг. Позже, в юности, следуя по стопам отца, эти книги очень помогли мне в развитии личности и защите диссертации.

Забегая вперёд, скажу, как она называлась: «Защитные силы трав в энергетических слоях тела человека. Их влияние на тонус и сознание мозга». Непростым и интересным человеком был мой отец, и его дело было таким же.

Тёплые воспоминания

В целом моё детство протекало в поистине тепличных условиях, где каждый день был наполнен уютом и теплом во всех смыслах этого слова. Наш величественный особняк располагался в живописном месте у самого моря, и каждый день дарил нам новые чудеса природы.

Каждое утро начиналось с того, что я наблюдала за рождением нового дня: как солнце окрашивало небо в нежные розовые тона, как морские волны нежно ласкали берег, а чайки вели свои бесконечные разговоры над водой. По вечерам я с восхищением следила за величественными закатами, когда небо вспыхивало всеми оттенками пурпурного и золотого.

Морские бризы приносили с собой удивительные ароматы: соль, водоросли и что-то неуловимо-волшебное. Особенно захватывающим было наблюдать за кораблями, проплывающими вдаль, и за тем, как после бурь море преподносило нам свои дары — диковинные находки, выброшенные на берег. Об одной такой находке я расскажу особо — ей посвящена целая глава моих воспоминаний.

Я росла в мире, где царили сказки и добро. В моём детском сознании все люди были счастливы, в каждом доме на завтрак подавали ароматную кашу со свежими ягодами, запивая её свежавыжатым соком. По вечерам на столах появлялась изысканная красная рыба под соусом бешамель, украшенная свежими овощами.

Дни рождения отмечались с особым размахом: в подарок можно было получить жемчужные серёжки, расписную фарфоровую чашечку с золотой ложечкой. Перед сном меня переодевали в нежную хлопковую сорочку с кружевами, укладывали рядом плюшевого медвежонка, заботливо подтыкали пуховое одеяло, а добрая нянечка читала волшебные сказки, от которых замирало сердце.

В этом мире, созданном любовью и заботой моих родителей, я росла, впитывая атмосферу счастья и веры в чудеса. И хотя реальность порой преподносила свои уроки, именно эти детские воспоминания стали фундаментом моей души, научив меня видеть прекрасное в обыденном и верить в добро несмотря ни на что.

ГЛАВА 2

Когда мне исполнилось шесть лет, родители наняли для меня именитых учёных наставников, чтобы обучать свою дитятку премудростям науки. Должна признаться, учиться мне нравилось искренне и самозабвенно, я грызла гранит науки с особым хрустом. Я поглощала знания с жадностью, подкрепляя свои занятия сладеньким чайком и задавая преподавателям вопросы, которые порой ставили их в тупик не меньше, чем меня саму.

К тринадцати годам во мне пробудился глубокий интерес к оккультным наукам, астрономии и астрологии. В наше время многие молодые люди относятся к этим дисциплинам поверхностно, считая их не более чем развлечением для скучающих в социальных сетях. Однако в моём детстве эти науки были поистине захватывающими, полными загадок и глубокого смысла.

Как я понимаю сейчас, крайне важно встретить своих учителей в правильное время. В этом вопросе мне необычайно повезло. До сих пор удивляюсь, откуда мой отец находил столь необычных знакомых. Как говорила моя мать, до моего рождения отец часто отправлялся в путешествия — точнее, в длительные командировки, откуда привозил удивительные книги и новые знания.

Училась я с невероятным усердием, осваивая множество предметов. Обязательные дисциплины давались мне легко, словно орешки, щёлкаемые на досуге. Особое внимание я уделяла литературе, химии, арифметике, а также оккультным наукам и астрологии.

К пятнадцати годам я начала изучать сестринское дело и ассистировала родителям во время операций. Это было чрезвычайно сложное и ответственное занятие, требовавшее глубоких знаний и навыков, но я прилагала все усилия. Помимо врачебной бригады, у отца работали мастера-механики, которые создавали новое оборудование и настраивали электричество — роскошь, которой в начале XX века располагали немногие. Наш особняк стал одним из первых, где появилось электричество, а позже отец разработал систему автономного энергообеспечения, хотя оно часто давало сбой, особенно во время гроз и штормов.

Уже тогда я осознавала свою необычность и понимала, что на меня возложена важная миссия — помогать людям и продолжать дело родителей. Стремясь не уронить честь семьи, я погружалась в изучение отцовских трудов по медицине и астрологии.

Вы можете спросить, зачем мне понадобились астрология и оккультные науки? Возможно, сегодня для многих это покажется не более чем забавой. Однако если взглянуть в древние тексты, в смысл магических слов и символов, можно увидеть, как их переплетение способно влиять на человеческую жизнь, как энергетический баланс определяет судьбу.

Прочитав все отцовские книги, я осознала, что чего-то не хватает в этом мозаичном знании. Мне требовался наставник, который систематизировал бы эти сведения. Я обращалась к родителям, но они лишь разводили руками, признавая, что, подобно мне, не во всём разбираются. Они освоили лишь технику гипноза, которую рекомендовали и мне — она оказывала неоценимую помощь во время операций, когда морфий был бессилён или наркоз противопоказан.

Я усердно училась, и вскоре овладела искусством гипноза почти в совершенстве — по крайней мере, так мне казалось. Однако по-прежнему не находилось учителя древних наук, о которых говорилось в книгах. Кто-то может возразить, что опыт приходит с годами — возможно, это так. Но, дорогой читатель, чтобы набраться опыта, необходимо совершать ошибки под руководством того, кто уже прошёл этот путь и может направить ученика.

Встреча с судьбой

На пороге стоял 1941 год. До войны оставалось совсем немного времени, и именно тогда в моей жизни произошёл случай, который я могу назвать только божественным благословением.

Был чудесный майский день. В саду пышно цвела мимоза, воздух был наполнен теплом и ароматом весны. Выглянув из окна, я решила, что сегодня непременно нужно отправиться на пляж — искупаться в море и насладиться солнечными лучами. Взяв плед и корзинку с бутербродами, я направилась к берегу.

— Куда это ты собралась, Адочка? — окликнула меня мать, поливая розы в саду. Она всегда называла меня так — не Адольфией, не Адой, а именно Адочкой.

— Хочу искупаться в море. Совершенно нет желания заниматься утром, да и все предметы я почти сдала, — ответила я. — Пойдём со мной, мам?

— Нет, дорогая. Сегодня у твоего отца важные опыты, нужно помочь, чтобы он снова не перепутал реактивы в лаборатории, как в прошлый раз, — с огорчением вздохнула мать.

— Тогда я ненадолго, — пообещала я.

— Хорошо, но смотри на облака. С обеда погода может испортиться, — предупредила мама. Она всегда была права в своих предсказаниях — не знаю, от кого она унаследовала этот дар, но её прогнозы погоды всегда сбывались.

— Договорились, — ответила я и побежала по склону горы навстречу бескрайнему голубому морю.

Ветер развеивал мои белокурые волосы, играл складками лёгкого платья. Мой возраст был тем прекрасным временем, когда девичья фигура обретала утончённые черты. Я становилась той самой девушкой, которой восхищались все — и родители, и молодые кавалеры, приглашённые на балы, которые устраивал мой отец. Теперь я думаю, что, возможно, он организовывал эти вечера специально для меня. Но ни один кавалер так и не завоевал моего сердца. О этой истории вы узнаете позже.

Добежав до моря, я сбросила платье и бросилась в воду в своём новом бирюзовом купальнике, украшенном стразами в виде дельфина. Вода была восхитительна! От восторга я поплыла навстречу волнам. Я плавала превосходно, наслаждаясь каждым мгновением. В голове крутились мысли о том, как прекрасна жизнь, как много всего предстоит узнать.

Вода словно обнимала меня, сливаясь с телом, нашептывая какие-то таинственные слова. Наплававшись вдоволь, я вышла на берег, расстелила покрывало и, не вытираясь, упала на него. Закрыв глаза на несколько минут, я открыла их и посмотрела вдаль. Горизонт сливался с морем, создавая единую голубую линию.

Внезапно моё внимание привлекла странная вещь у берега. Это была бутылка, которую прибило волнами. В моём воображении сразу возник образ терпящего бедствие корабля. Я подбежала ближе, достала бутылку и открыла её. Внутри действительно оказалась записка с текстом на латыни, который я только начинала изучать.

В порыве энтузиазма я прочитала написанное вслух. В тот же миг произошло нечто невероятное: возник смерч, поднял песок, закружил мои волосы. Так же внезапно всё стихло. Когда я открыла глаза, передо мной стояла удивительная женщина, очень высокая, я доставала ей ростом примерно до талии.

Она была настолько прекрасна и величественна, что напоминала статую богини. Её облик напоминал Геру из греческой мифологии. На ней была голубая туника, голову украшала золотая диадема, а чёрные волосы были уложены в причёску с золотым гребнем. Её смуглая кожа излучала нежность и благородство.

— Как тебя зовут, прелестное дитя, освободившее меня из заточения? — гордо спросила она.

— Адольфия, — ответила я, не в силах отвести взгляд от этой неземной красоты. — Кто ты?

— Я Брализдика, древняя богиня красоты и власти знаний, — ответила она. — Ты спасла меня! Проси, чего хочешь.

— Я... я не знаю. У меня есть всё, — смущённо ответила я.

— Что же тебе не хватает в жизни? Ты только начинаешь свой путь, возможно, есть что-то, чего ты желаешь? Может быть, богатого жениха? — с лукавой улыбкой спросила богиня.

— Нет, — твёрдо ответила я. — Женихи подождут. А вот знания... Я всегда стремилась изучать древние науки, понимать то, что другим недоступно. Хотела бы помогать людям разбираться в том, что им непонятно.

— Какое необычное дитя! — задумчиво произнесла богиня, обходя меня кругом. — В тебе живёт древняя душа, жаждущая того, что ты могла делать в прошлых жизнях. Сейчас тебе недоступны те силы и знания, что были заложены в тебе...

Она помолчала, а затем продолжила:

— Скажу так... В определённый момент твоей жизни ты встретишься с теми, кто даст тебе больше того, что ты имеешь сейчас. Но это произойдёт чуть позже по земным меркам... Даже мы, боги, не имеем права вмешиваться в определённые этапы жизни человека. А сейчас я помогу тебе понять те науки, которые ты изучаешь... И, скажем так, дам тебе способность впитывать немного больше информации, чем сможет усвоить и понять обычный человек. Ты уникальна, Адольфия, по своей судьбе, запомни это», — произнесла Бразлиздика.

Она протянула руку и коснулась меня. В этот момент произошло нечто невероятное — я увидела её в ослепительном огненно-розовом сиянии. Свет был настолько ярким, что на мгновение ослепил меня. А затем богиня просто растворилась в воздухе, словно её никогда и не было.

Я потеряла сознание.

Очнулась я от того, что мать трясла меня за руку. Рядом суетилась нянечка, вытирая моё лицо холодной водой из кувшина.

— Адочка, доченька, что с тобой! Говорила же, что будет перегрев — перед грозой так солнце парит, а она пошла на пляж без зонта! — причитала мать, её голос дрожал от беспокойства.

— Мама, всё хорошо, со мной была богиня... Я нашла бутылку с письмом... — бормотала я, сама не понимая, что говорю.

— О боже! Глафира, хватай её за ноги, понесли в дом! Ей нужно в тень, пока отец нас не увидел, — скомандовала мать.

Так, под заботливые руки матери и няни, меня перенесли в дом. В прохладе моей комнаты мне сразу стало легче. Всё списали на солнечный удар. Но был ли это действительно удар — до сих пор не знаю...

Возможно, всё это лишь почудилось мне. Но откуда тогда эта невероятная тяга к знаниям? Почему я знаю чуть больше, чем остальные академики? Этот вопрос до сих пор не находит ответа в моей душе.

То утро на пляже, произошедшее много лет назад, навсегда осталось загадкой. Оно изменило меня, наполнило новыми силами и способностями. Я чувствовала, как внутри растёт нечто особенное, словно семена, посеянные той загадочной богиней, начинают прорастать, раскрывая во мне новые грани возможностей.

С того дня учёба стала даваться мне с удивительной лёгкостью. Я могла запоминать огромные объёмы информации, словно впитывая её каждой клеточкой своего существа. Мои способности к пониманию сложных научных концепций возросли многократно.

Но главное — я чувствовала, что впереди меня ждёт нечто большее. То, о чём говорила Бразлиздика. И это «большее» должно было прийти в своё время, когда придёт час...

В моей душе поселилась уверенность: всё произошедшее было не просто видением. Это было начало чего-то великого, того, что изменит не только мою жизнь, но и судьбы многих других людей.

ГЛАВА 3

ВОЙНА

Сегодня, мой дорогой читатель, я поведаю тебе, пожалуй, о самой трагической главе в моей жизни — о Великой Отечественной войне. Эта война унесла множество жизней, затронула каждую семью. И, возможно, ещё многие поколения будут помнить эту страшную и кровавую страницу истории.

Современное поколение, возможно, не задумывается об этом, но война оставила неизгладимый след. Она, словно радиация, передалась через кровь нашим внукам и правнукам. Она, как невидимый вирус, течёт в наших венах, в наших костях, в русской земле, в воздухе, в деревьях, в листьях. Она даже в детском смехе, которого могло бы не быть, если бы не победа...

Когда началась война, мы сначала не могли осознать происходящее. Был солнечный летний день. Я готовилась к своему первому путешествию — собиралась отправиться на пароходе в Грецию вместе с отцом для новых исследований в области гипноза и его влияния на человека. Все чемоданы были собраны, и вы можете представить моё воодушевление перед предстоящей поездкой.

Мне почти исполнилось восемнадцать лет. Кровь бурлила в жилах, настроение было превосходным, здоровье — отменным. Я была полна энергии, счастья и жажды новых открытий. И вдруг в этой радостной атмосфере мы услышали странный вой, а затем последовал сильный удар... Потом ещё один, и ещё. Дом затрясло. Помню, как отец прикрыл меня своей могучей рукой, и мы спрятались под шкаф. Я успела лишь увидеть в окно море, сотрясаемое взрывами...

Казалось, я на мгновение потеряла сознание. Когда открыла глаза, всё было тихо, но наш дом был сильно повреждён взрывами. Отец выбежал на улицу. К счастью, все были живы, хотя многим требовалась помощь. Вся бригада врачей и слесарей уцелела, но мы лишились половины дома. Весь скот — куры, лошади, коровы — был уничтожен.

Мы стояли в оцепенении, глядя на эту картину разрушения, не понимая, что делать дальше. Мои руки дрожали. Мать подошла ко мне и, обняв, сказала:

— Ничего, Адочка, справимся как-нибудь...

Но слова матери не могли успокоить мою дрожь. По уцелевшему радио мы услышали сообщение:

«Внимание, говорит Москва. Передаём важное правительственное сообщение. Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня в 4 часа утра, без всякого объявления войны, германские вооружённые силы атаковали границы Советского Союза. Началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков».

В конце сообщения прозвучали слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Мы стояли в оцепенении, не зная, как реагировать на происходящее. Казалось, что только недавно мы ощущали вкус свободы, а теперь её безжалостно отбирали. Что теперь будет с нашим полуразрушенным особняком, с уцелевшей частью дома, со скотом, с животными, которые кормили нас?

Первым пришёл в себя отец. С решимостью в голосе он произнёс:

— Аглая, я решил. Переоформим наш дом в госпиталь. Будем помогать раненым. У нас нет другого выхода. Нужно сообщить старшим в городе, главнокомандующему, если ещё есть кому сообщать! Запасов должно хватить надолго, может, поможет государство.

Матери оставалось только согласиться — спасать людей и проводить исследования было тем, что они умели лучше всего.

Буквально за пару дней наше поместье превратилось в военный госпиталь благодаря умелым рукам слесарей и работников. Через посыльного мы разослали сообщения по всему городу, указав точные координаты для военных на случай попадания в плен. С неба здание нужно было как-то укрыть от вражеских глаз — крышу решили покрасить в зелёный цвет.

Все запасы лекарств и койки, хранившиеся в подвале, были готовы к приёму раненых. Так началось наше непростое время.

Четыре долгих года не было ночи, когда бы мы могли нормально спать. Были тихие недели, тянувшиеся как нескончаемые ленты свежих полей пшеницы, которые мы уже давно не видели. В такие дни в госпитале почти никого не было, но, как ни странно, именно эти дни я ненавидела больше всего.

Страшно было передвигаться по замку, особенно зимой, когда в каждом уголке слышался вой ветра или приближающейся выюги. Казалось, что кто-то говорит со мной, и я различала вдалеке гул приближающегося самолёта, готового сбросить на нас бомбу, или слышала шум машин с новыми ранеными.

Я боялась не потому, что не могла оказать помощь, а потому, что слишком много людей страдало в этой войне, слишком много умирало. Иногда мы не успевали отвозить машины с телами солдат, не выживших после ранений. Холодильников у нас не было, и эти машины стояли в чаще леса, где тела разлагались даже в лютый мороз.

Я тихо плакала в своей комнате, которая всё ещё оставалась моей. На людях старалась держаться бодрой, поддерживая родителей и персонал. Боже, какие самоотверженные были эти люди! Практически каждый из них потерял в войне своих родных.

Каким-то чудом оба моих родителя пережили войну, и я вместе с ними. Наш госпиталь чудом продержался почти до самого конца. И вот, когда победа уже маячила на горизонте, произошла встреча, которая перевернула мою жизнь — разделила её на «до» и «после»...

В один из тяжёлых дней войны привезли нам подорванных бомбой солдатиков. Их было десять, и все тяжёлые. Одного не удалось спасти. Как потом оказалось, они держали осаду и подорвали целый гарнизон фашистов, тем самым спасли наш госпиталь от разрушения. И мы все принялись ухаживать за вновь прибывшими.

Все молодые парни по 17—20 лет. Даже командир молодой — 22 года, за годы войны получивший более шести ранений. И каждый раз после госпиталя он опять рвался в бой. Героический человек!

У всех раненых были повреждены ноги, руки... А тут, смотрим — глаза! Матушка моя специализировалась по глазам, но сложные операции никогда не проводила. Она говорила: «Световым потоком так отшибло, что не понятно — целая роговица или нет. Раньше же не было таких приборов, как сейчас».

Но на свой страх и риск мы начали его выхаживать. Отец сказал: «Если парню суждено видеть — значит, он будет видеть. А мы сделаем всё возможное».

Приставили меня к нему как на постоянной основе дежурить и днём, и ночью — как самую молодую и скрупулёзную. Я всегда выхаживала тех, у кого серьёзные раны. Почему-то я относилась к ним как к хрустальной вазе. Это со временем, получив много других славных шрамов от жизни, я очерствела и стала, что ли, более жестокой? Но не тогда...

Днём и ночью я была у того парня. Когда он пришёл в себя и понял, что он в повязке и не понятно, сможет ли он видеть или нет, мы думали, он разнесёт нам весь госпиталь. У него случилась истерика. Он рвался в бой и кричал: «Дайте мне гранату! Я разнесу всех фашистов, хоть какой-то от меня будет толк! Я всё равно калека, зачем мне такому жить!»

Я стала успокаивать его, говоря, что надо время. Есть определённые процедуры, которые, возможно, смогут помочь и восстановить зрение, но нужно подождать. Я взяла с него слово,

что всегда буду рядом. Но если не поможет — отпущу его, и пусть решает, что ему самому делать со своей жизнью. Он согласился.

И вот потянулось наше время — долгое время ежедневных перевязок, больных уколов и капельниц, ожиданий и лечения... Я всегда была с ним. Мы говорили на разные темы. Я даже пела ему колыбельные, чтобы ему лучше спалось.

Я рассуждала о жизни. Знаете, что я ему говорила? Я говорила о том, что стану известной целительницей, буду собирать по миру интересные вещи. А когда стану старой, открою со своими детьми и внуками антикварную лавку. Буду скупать все необычные вещи не только в нашей стране, а потом реставрировать их, давая им вторую жизнь, и продавать за баснословные деньги!

Странно... Забегая вперёд, скажу: так и сложилась моя интересная жизнь, приправленная всегда немного магией и добрыми делами. Плюс ко всему появилась и любовь к живописи и детективным расследованиям...

По истечении двух недель утром, как обычно, я уснула, сидя у его кровати в ногах. Проснувшись, увидела его сидящим без повязки и с открытыми глазами, которые смотрят на меня. С широко открытыми глазами он заявил: «Адольфия, как ты прекрасна! Именно такой я тебя себе и представлял!»

Это было не описать словами. Я влюбилась в этого человека с первого взгляда, как его, раненого, привезли к нам. А тут он меня — и эти чувства были взаимны. Боже, я была на седьмом небе от счастья! Среди войны, среди этой чёртовой войны, где умирали люди и неизвестно, что нас ждало завтра, я нашла свою первую и единственную любовь! Всеволод... Мой милый Всеволод...

Тут, читатель, я невольно плачу каждый раз, когда вспоминаю нашу встречу — первую и единственную. Но, забегая вперёд, скажу, что ни о чём не жалею. И если бы судьба мне предложила прожить это мгновение снова, я не поменяла бы в нём ничего, потому что всё было прекрасно!

А дальше были две недели моего неземного счастья: бессонные ночи, но уже по другой причине, яркие солнечные дни. Каждый день был наполнен смыслом. Я понимала, для чего живу, и дышала полной грудью. Через неделю он должен был вернуться в свой взвод.

Но случилось страшное — на наш госпиталь всё-таки сбросили бомбу. Половина раненых погибла. Мы с семьёй в это время были на другом конце здания, где делали операции, и не пострадали. В тот день много людей пропало без вести. Скорее всего, они убежали обратно на войну, особенно те, кто готовился к выписке. Я подозреваю, что Всеволод скрылся, чтобы не подвергать нас опасности.

Но перед этим у нас с ним состоялась встреча, на которой я подарила ему на память свой амулет.

Вообще, забегая вперёд, скажу, что в жизни моей и Севы амулеты сыграли очень важную роль, но об этом позже. Я оставила ему свой подарок, и он, в свою очередь, тоже преподнёс мне подарок...

Через пару месяцев я поняла, что беременна. В это же самое время объявили об окончании войны. Люди были счастливы — не описать словами, что происходило. Но я пыталась отыскать Всеволода, писала в гарнизон, где он должен был служить, однако он туда не поступал. Всё, что я о нём знала — он был из Москвы. И всё, о чём я могла просить Бога, — это чтобы он остался жив. Пусть нам не суждено быть вместе, но этот человек стал единственной любовью в моей жизни...

На момент беременности мне было почти двадцать лет. Война закончилась, и нужно было решать вопрос с родами и дальнейшим обучением. Родители, узнав о моём положении, приняли это как должное. Мой мудрый отец решил, что родить ребёнка мне следует в Греции, у

его двоюродной сестры. Там и за ребёнком присмотрят, и в послевоенное голодное время я смогу хорошо переждать.

Отец отправил меня на пароходе своего друга из мореходства и заверил, что всё будет хорошо. Так и случилось. Но уже через пять лет, из Греции, с дочерью Ириной на руках, я вернулась в Россию совершенно другим человеком.

ГЛАВА 4

ЖИЗНЬ В ГРЕЦИИ

Надо сказать, что время, проведённое в Греции у моей тёти Литиции, оказалось очень уютным и в то же время захватывающим. На пароходе я провела примерно неделю, и всё это время меня мучила морская болезнь. Думаю, это было связано с беременностью, но самым волшебным образом, как только я сошла на берег Афин, морская болезнь словно улетучилась. Стоило вдохнуть в свои усталые лёгкие запах местных платанов и кипарисов, как я вновь ожила и улыбнулась новой стране с вдохновением и предвкушением новизны.

Меня уже ждал тётушкин экипаж — белый «Кадиллак». Услужливый водитель забрал мой багаж и упаковал его в вместительный багажник. Я села на заднее сиденье. Мы ехали молча; он что-то пытался сказать мне на местном языке, но я жестом объяснила, что не понимаю его.

Дорога извивалась между белыми домиками, напоминающими издали жилища гномов. Приглядевшись поближе, можно было увидеть, что домики эти были не маленькие, а большие, с синими дверьми и аккуратными изгородями. У меня глаза защипало от солнца и белизны этих домов.

Приехав к дому тётушки — а это было поистине красивое место на берегу Эгейского моря — я вышла из машины и какое-то время стояла под впечатлением. Огромная белая вилла с красивыми балконами, с огромными кипарисами, огораживающими немалую территорию, идеально выкошенный газон и красивые цветы. Вдалеке были видны ступеньки, ведущие к собственному пляжу.

Из дома вышли служанка и сама тётушка в красивом белом элегантном костюме и огромной белой шляпе, которая закрывала не только голову, но и полтела тёти. Она улыбнулась мне и сказала:

— С приездом, моя дорогая племянница, добро пожаловать!

— Здравствуй, Литиция, — ответила я, смущаясь.

— Тебе Генри успел многое рассказать про страну? — поинтересовалась тётя. — Он такой болтун, всегда болтает в дороге.

— Нет, — смутилась я. — Я не знаю местного языка.

— Как? — удивилась тётушка. — Ты не знаешь греческого?

— Нет, — ответила я.

— А испанский? Турецкий? Итальянский? — продолжала удивляться она.

— Нет... — ответила я и густо покраснела. — Право, мне стыдно, тётя, но этих языков я не знаю... Но зато я знаю английский в совершенстве и китайский язык.

— О, это замечательно! Значит, когда придёт время тебе от меня уезжать, к ним добавятся ещё три, — ответила Литиция и улыбнулась.

Я ей не возражала.

Потянулись мои дни пребывания у тётушки. Было решено, что до родов я буду усердно учиться языкам и гипнозу — тому, что тётушка считала приемлемым для моего положения. Она всегда говорила, что ребёнок никогда не будет помехой в изучении науки, а только укрепит веру в то, что ты всё правильно делаешь, потому что строишь своё и его будущее.

— Всегда думай о том, кому твои знания могут принести пользу, Адочка, — говорила она.

Она учила меня наукам познания жизни. В моём арсенале было много книг по астрономии, культуре, познанию общества, книги по развитию личности, пониманию смысла жизни и

многие другие учения. Для меня авторитетами оставались такие люди, как Рудольф Штайнер, Анни Безант, Конкордия Антарова, Елена Блаватская, Елена и Николай Рерих, Георгий Гурджиев, Милтон Эриксон, Джеймс Фрейд и другие учёные, повлиявшие на мою жизнь в целом.

Но гипноз занимал в моей жизни главные роли. Близился девятый месяц моей беременности, но казалось, что я была уже совсем другим человеком. В моей юной головке, достигшей двадцати лет, помещались знания человека, прожившего полвека. Как губка, я впитывала эти знания, эти учения из книг и от этой мудрой не по годам женщины.

Литиция была намного младше моего отца. Для нашей семьи так и осталась тайной, как она забрела в Грецию и вышла замуж. Однажды моему отцу пришло сообщение о том, что Литиция теперь является гражданкой Греции и ни за что не покинет эту страну.

В глубокой юности она убежала на корабль с исследователями, и её исследования привели её в Грецию. Там она познакомилась с учёным-гипнотизёром и связала с ним свою жизнь. Он был намного старше её. Однажды он ушёл в плавание и не вернулся — ей пришла весть о том, что корабль потонул. Она долго оплакивала его, но вот уже более десяти лет о нём не было слышно ничего.

А она продолжала жить в его поместье, писать научную книгу и ставить опыты по гипнозу, используя их в своих психологических приёмах для своих клиентов. Одновременно помогая им распутывать их сложные психологические дела и параллельно ставить опыты для своих научных экспериментов.

На улице стоял декабрь — самый дождливый месяц в греческой зиме. Каждый день с моря дули такие сильные ветра, что, глядя в окно, я невольно задавалась вопросом: долетит ли волна до берега на этот раз?

Прогуливаясь по тёмной вилле с большим животом и придерживая спину, я всё чаще молила Всевышнего о скорейших родах. Носить ребёнка становилось невыносимо тяжело, особенно мучительно было спать на спине.

Ковыляя по холлу, я слышала странный шёпот, доносящийся из кабинета тётушки. Совсем недавно там проходил сеанс гипноза, и пациент успел уехать до начавшегося ливня. Я постучалась и приоткрыла дверь.

За столом, при свете свечи и какого-то огромного магического шара, сидела Литиция. Она что-то раскладывала на столе.

— Литиция, можно? — спросила я (она не любила, когда я называла её тётушкой).

— Да, дорогая, проходи, я уже заканчиваю, — ответила она, собирая со стола странные карты. Они были большого размера, а колода явно толще обычной.

— Что это за карты такие необычные? — с любопытством поинтересовалась я.

— Это, моя дорогая, карты Таро Уайта, — с улыбкой ответила она. — Но о них я расскажу тебе уже после родов.

— Почему? — удивилась я.

— Они особенные, — продолжала улыбаться тётушка. — С их помощью можно заглянуть человеку в душу, вывернуть её наизнанку, узнать всё и даже больше.

— Поэтому твой пациент выбежал весь в слезах после сеанса с ними? — поинтересовалась я.

— Возможно, — согласилась тётя. — Карты могут показать то, что человек сильно от себя скрывает, или открыть правду о близких, которую они не хотели бы, чтобы ты знал...

— Так ты гадаешь? Это чёрная магия? — Я была сильно удивлена, но мне было очень любопытно.

— Гадают цыганки в трактире, а я смотрю на очевидные вещи и говорю их прямо при помощи этих карт. Понимаешь, существуют методы воздействия на человека помимо гипноза, которые можно использовать как во благо, так и во вред. Но ими же можно уберечь чело-

века от неправильных поступков или опасных людей, увидеть перспективы будущего. Зная человеческую психологию, с их помощью можно многое разглядеть. Однако этими же методами можно и навредить человеку, наслать порчу. Я таким не занимаюсь — рассматриваю этот метод исключительно с психологической и научной точки зрения. Поговорим об этом, когда ты родишь, — и тётушка быстро сложила карты в чёрный бархатный мешочек и убрала в запирающийся на ключ стол. — А теперь пошли ужинать, я ужасно проголодалась, — ответила она с улыбкой.

Через день начались потуги, а ещё через день на свет появилась моя доченька — моё милое солнышко, Иринushка. Как свет в оконце, она озарила мою душу; как ясный лучик, она влилась во всё моё существо. Я ощутила её всем своим естеством.

Роды были непростыми, но и не тяжёлыми. Уже через два дня я могла сама подходить к ребёнку и брать её на руки. Всё это время тётушка была рядом: что-то шептала, проверяла пульс, трогала мои волосы и каждый раз давала пить какие-то отвары, от которых я набиралась сил и энергии. Когда я спрашивала, что это за отвары, она отвечала просто: «Это травы».

Время шло. Прошло пять месяцев, миновала весна, наступило тёплое лето. Дорогой читатель, вы спросите: вспоминала ли я всё это время Всеволода, мою любовь и отца моего ребёнка? Отвечу: каждый божий день. И каждый день я молилась о том, чтобы, где бы он ни был, ему сопутствовала удача. Если он жив — чтобы встретил свою любовь и создал семью. А если его уже нет на земле — пусть Господь помолится об его душе и вознесёт её на небеса с просветлением.

Я не могла отпустить его из своих мыслей, прокручивая дни наших встреч и наше знакомство.

Ирина Всеволодовна росла сильной и крепкой девочкой. Своим упрямством она была точно в отца, но проявлялось оно лишь в желании хорошо кушать и наблюдать за чайками, летающими в небе.

Мне было спокойно и хорошо у тёти. После рождения дочери я не бросила учёбу и познание наук. За эти полгода я освоила языки, о которых говорила тётя, и могла свободно общаться со всеми, кто служил в её доме, на их родном языке.

О картах я молчала, понимая: то, что тётя обещала, она обязательно расскажет, просто ещё не пришло время.

Минуло четыре года.

За это время я не только освоила все языки в совершенстве и очень хорошо изучила Грецию вдоль и поперёк, со всеми её закоулками и вкусными блюдами. В идеале научилась готовить мусаку, даже дзадзики стал получаться с особым энтузиазмом. Дзадзики — это соус из густого йогурта, огурцов, чеснока и оливкового масла, который часто подаётся к хлебу или другим блюдам.

Моя роль материнства тоже давалась мне с особым, но нетяжким трудом. Ирочка росла умной девочкой, очень рано она заговорила не по-детски. Помню, как сейчас, её дикий вой: она увидела большую и мохнатую гусеницу, стоя у входной двери своей детской комнатки, и кричала на непонятном языке что-то типа:

— Мааааммама...!!! Ууууууу!

Мы с тётушкой бросились к испуганному ребёнку, и в тот же миг мохнатая гусеница была веником скинута в окно.

Как позже, чуть повзрослев, мне моя дочь сказала:

— Мама, ты помнишь ту лохматую гусеницу?

— Да, детка... — ответила я и поморщилась от воспоминаний. — А в чём дело? Почему ты о ней вспомнила? Это было почти три года назад.

— Мы с нянечкой, когда пошли потом гулять, я видела её, она сидела в траве и смотрела на меня, — застенчиво улыбнулась Ирина.

— Наверно, ты ей очень понравилась, ты у меня вон какая красавица, — ответила я ей и потрепала за белокурые хвостики.

— Я к ней подходила... — продолжала, но уже шёпотом, дочь.

— К кому? К гусенице? — удивилась так же шёпотом я.

— Да, и мы с ней разговаривали, — ответила Ира.

— И что же она тебе сказала? — улыбнулась я, дивясь на фантазии своей дочери.

— Она сказала, что не в обиде на тебя, что ты её веником... Я ей помогла выползти в сад. Оказывается, она собирала листики для пропитания своему семейству. Они жили вблизи воды в гроте, там, где песок, и ей надо было обязательно свежие листья, а в нашем саду именно такие, и она каждый день ползала сюда, — ответила Ирочка.

— Ну хорошо, если она вдруг появится, я не буду больше её прогонять, — ответила я, вновь улыбнувшись и дивясь фантазии Ирины. Да, с такой фантазией можно писать детские сказки. — Только передай ей, чтоб не заползала в дом. Там гусеницам делать нечего.

— Да, я именно так ей и сказала! — ответила гордо Ирочка, и мы вновь зашагали вдоль берега.

ВСТРЕЧА

Воспоминания вновь и вновь возвращают меня к тем светлым и тёплым дням. Однажды, прогуливаясь по побережью, я увидела одинокого молодого человека. Он явно был не из местных — его выдавала белая кожа и светлое одеяние. Светлые брюки, рубашка, небрежно застёгнутая на две пуговицы, и белокурые волосы.

Сначала мне показалось, что это Всеволод, и я бросилась к нему. Но разум прояснился, когда он повернулся и посмотрел на меня своими странными чёрными задумчивыми глазами. Я подбежала и, отдышавшись, села рядом.

— Кто вы? Меня зовут Адольфия, — спросила я.

— Здравствуйте, Адольфия. Я Марк Слемпи, писатель из Англии, — ответил он, окинув меня нежным, почти чарующим взглядом. — Прибыл сюда за вдохновением.

— О, как интересно! И что же вы пишете? — поинтересовалась я.

— Я учёный-исследователь, ищу вдохновение для своих научных трактатов. Пока у меня только сухие наброски, но я надеюсь превратить их в книгу. Я пишу обо всём понемногу: о космосе, травах, силе человеческого духа, энергии... Если вам это о чём-то говорит, — ответил он, устремив взгляд в морскую даль.

— О многом. Я, можно сказать, по природе своей тоже учёный. Изучаю методы гипноза. Я из Советского Союза. Сейчас мы с дочерью гостим у моей тётушки, — ответила я.

— Да что вы? — удивился Марк, и его интерес ко мне, похоже, возрос в десять раз после слов о гипнозе. — Учёный из Союза — это потрясающе! Говорят, ваши коллеги добились многого в этой области. Я слышал о некоем Петре Братиславском, который открыл потрясающий метод проведения сеансов. Он проникает в сознание человека и даже может проводить операции под гипнозом — человек не чувствует боли! Легендарный человек.

— Я его дочь, Адольфия Братиславская, — ответила я с гордостью.

— О! — Марк покраснел и встал, галантно подав мне руку. — Очень рад знакомству. И рад, что вы продолжаете дело отца. Могу ли я пригласить вас в ресторан на чашечку кофе?

— Нет, извините, Марк. Я здесь всего лишь гостя. Но позвольте мне пригласить вас на ужин к моей тётушке. Там мы сможем поговорить о ваших научных открытиях. Моя тётушка тоже учёная, и ей будет интересно ваше общество, — ответила я с улыбкой.

Не могла же я, имея на руках четырёхлетнюю дочь, сразу же кинуться в объятия страсти, которая, казалось, накрыла меня с головой? Нет, память о Всеволоде сразу отрезвила меня. Ни один мужчина не смог занять его место в моём сердце. И этот учёный пусть знает своё место!

— Да, конечно, я принимаю ваше предложение, — с улыбкой ответил он.

— Мама! — послышался вдалеке голос Ирины. Девочка вышла на пляж — видимо, Литиция послала её за мной, было время обеда.

— Иду, дочка! — крикнула я Ирине и встала, отряхивая песок с платья. — До встречи, Марк, — сказала я и, медленно отвернувшись, пошла навстречу дочери.

Я чувствовала кожей, как он не сводит с меня взгляда. Но важно было не повернуться — я должна остаться для него гордой и загадочной Адольфией, стремящейся к своим вершинам.

УЖИН

Вечером того же дня мы ждали гостя в доме тётушки. Не знаю почему, но этот молодой человек мне очень понравился — и как мужчина, и как неординарная личность, писатель. Стоя у зеркала в своей комнате, я прихорашивалась.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнула я.

В комнату вошла Литиция в своём обворожительном белом платье — она очень любила белый цвет.

— Ты ещё не готова, Адочка? — спросила она с игривой улыбкой.

— Нет, тётя. Вот не знаю, какое платье мне всё же надеть: бордовое в пол или бирюзовое, струящееся? — ответила я, задумчиво расчёсывая распущенные волосы.

— Будь моя воля, я бы тебя нарядила в образ греческой богини — в таком виде ты была бы абсолютно прекрасна, — ответила тётушка и взмахнула руками, словно из них должны были вылететь волшебные птицы. — Вижу, что сегодняшний гость для тебя что-то значит, иначе ты бы не позвала его ко мне в дом.

— Просто это первый человек, которого я встретила в Греции с «большой земли», — ответила я и густо покраснела: мне не хотелось сознаваться тёте в очевидном.

— А хочешь, я разложу для тебя карты? — вдруг спросила она и неожиданно достала из своего белоснежного длинного рукава чёрный бархатный мешочек.

— Не знаю... — неуверенно произнесла я.

— Не бойся, это же не приворот, а всего лишь мы заглянем немного в будущее. Тебе же любопытно, признайся? — и тётя вновь озорно улыбнулась.

Усевшись за мой письменный стол, она вытащила карты из мешочка и стала их тасовать. Я уселась рядом и затаила дыхание. На стол легли пять разных карт. Тётя внимательно на них посмотрела — её улыбка стала чуть меньше. Это меня немного смутило.

— Что, там ничего хорошего, да? — с надеждой в голосе спросила я.

— Ну, «хорошее» — понятие относительное. Но тут я вижу интересный расклад: мужчина, что придет сегодня ко мне в дом, достаточно подходящий для тебя... но вряд ли ты с ним останешься, детка.

— Почему? — удивилась я и, смутившись, добавила: — Почему это я в принципе должна быть с ним?

— Ну я по его раскладу смотрю, — улыбнулась тётя и продолжила. Взяв в руки карту, она повернула её и показала мне: — Вот это, моя деточка, Колесо Фортуны. Как случай вас встретил, так и в остальном будет дело случайности. В этой истории могут быть как счастливые, так и не очень финалы...

— Я не ищу себе мужа и отца для Ирины, я просто... — начала я.

— Ада, меня это не интересует. Твоя жизнь в твоих руках, я просто сказала, что вижу. Если тебе суждено с ним быть, то так и будет, — быстро ответила тётя и уже была готова убрать карты, но я остановила её.

— Литиция, а ты можешь по картам узнать, жив человек или нет? — спросила я тётю.

— Да, могу, — ответила она и странно на меня посмотрела. — Чья жизнь тебя интересует?

— Одного молодого человека, его зовут Всеволод...

— Он отец Ирины? — спросила тётя.

— Да... Я тебе рассказывала трагичную историю нашей разлуки. И я хочу знать: жив ли он?

— Я могу посмотреть, — ответила тётя и снова начала тасовать карты.

После недолгого молчания и расклада она вздохнула:

— Жив, жив и здоров, достаточно успешен, но на сердце грусть и тяжесть... Думает о тебе.

— Нам суждено увидеться? Я смогу его найти? А он ищет меня? — стала я забрасывать тётю расспросами.

— Подожди... Не вижу, чтобы вы увиделись в этой жизни... Но я вижу, что при определённых обстоятельствах ты вновь услышишь о нём... но это будет не скоро, — ответила тётя, задумчиво глядя на карты.

В комнату вбежала Иринка в новом розовом платье; вслед за ней в кабинет вошла няня.

— Мамочка, смотри, какое красивое платье мы одели с няней! — задорно прокричала дочь.

— Ради бога, Адольфия, Литиция, извините, она бежала как ураган! — запричитала нянечка.

— Ольга, не волнуйся, мы уже всё и готовы спускаться к ужину, — ответила тётушка, поспешно убирая карты в мешочек.

— Ваш гость уже приехал и ждёт вас в гостиной, — продолжила няня.

— Мы идём, — так же спокойно ответила тётя.

Спускаясь вниз, я чувствовала, как сердце колотится с невероятной скоростью. Внизу, при свете вечерних ламп, в кресле сидел Марк Слемпи. Услышав наши шаги, он обернулся и встал.

— Добрый вечер, дамы, — сказал он.

— Добрый, молодой человек. Меня зовут Литиция Наварро, я тётя Адольфии.

— Марк Слемпи, писатель, — представился он.

— Прошу к столу, молодой человек, — ответила ему тётя и жестом указала на стол. Сама она с величественной походкой прошла к царскому столу. Как же я обожала свою тётю! Для меня она всегда была примером: её грация, походка, красота — всё это во мне сохранилось благодаря её урокам.

— Чем вы занимаетесь, Марк? — спросила его тётя уже за столом.

— Я писатель, пишу научные трактаты, учёный-исследователь. Пишу о космосе, травах, силе человеческого духа, энергии... — ответил тот.

— Как интересно, — согласилась тётя. — А вот как можно писать о космосе, если мы ещё ни разу там не бывали?

— Ну а научные трактаты? А наблюдения? — удивился Марк. — Очень много того, что мы не знаем, но любим говорить и изучать... К примеру, религия или Бог: его никто никогда не видел, но люди верят в него.

— Согласна, — подтвердила тётя.

— Я знаю, что Адольфия увлекается методами когнитивного гипноза. Это тоже для кого-то из ряда вон выходящая фантастика, — сказал Марк.

— Она не увлекается, а занимается им и всю практикует, — поправила его Литиция. — Я как непосредственный её учитель вижу разницу в этом.

— То есть вы тоже занимаетесь наукой? — спросил Марк.

— Всё верно, — ответила тётушка. — Но за обеденным столом я предпочитаю немного другие темы...

После этого мы перешли на более лёгкие темы — о местном фольклоре и кухне. Тётя вкратце рассказала, как страсть к путешествиям занесла её в Грецию и что ни на одну страну она её не променяет.

На улице уже было темно, когда наш гость покидал дом.

— Было приятно пообщаться с вами, Марк, — сказала ему тётя на прощание.

— Мне тоже, — ответил он с улыбкой.

Я вышла проводить его в наш сад. Небо было тёмное и сияло звёздами. В саду было темно, только маленькие фонари освещали дорожку, выложенную из мелкого гравия. Я поёжилась: в лёгком платье было немного прохладно.

— Адольфия, вы замёрзли? — спохватился Марк и, сняв свой пиджак, накинул мне на плечи.

— Спасибо, — ответила я. — Я вас провожу до калитки и прогуляюсь в саду перед сном.

Мы шли медленно. Марк рассказывал о своих научных открытиях и о том, как же всё-таки красиво в Греции. Он добавил, что задержится тут ненадолго, потому что в Лондоне его ждут с новыми открытиями и докладами. Мы ещё немного постояли у ворот и распрощались.

Обратно шла я уже одна: Ирина убежала быстрее ветра в дом — не любила она вечерние прогулки. А я, посмотрев в тёмную морскую даль и уловив движение воды, улыбнулась и пошла вслед за дочкой.

С Марком Слемпи у нас была одна-единственная встреча. После этого он присылал записки в тётин дом с предложением поужинать со мной в ресторане или прогуляться вдоль набережной, но я всегда отвечала отказом. Не потому, что мне не понравился этот молодой человек: отнюдь, он был очень красив собой и хорошо сложен, умён и богат. Но когда ты не мил сердцу, то всё становится неважным. Моё сердце принадлежит Всеволоду — и только ему.

Ты, дорогой читатель, спросишь: были ли романы у меня в жизни хоть ещё раз? Я отвечу: были. Но сердце всегда принадлежало только ему — моему милому Всеволоду.

КАРТЫ

Мысли о картах не покидали меня. В один ненастный вечер, когда на улице разыгралась такая непогода, что выйти было невозможно — сильный ветер и ливень зарядил так, что казалось, море выйдет из берегов, — я после ужина постучалась в кабинет тётя.

— Да, да! — отозвалась Литиция.

— Литиция, я войду? — спросила я.

— Да, Адочка, заходи, — ответила тётя. Она слушала классическую музыку и смотрела на бушующую морскую даль. — Смотри, какая красота, Ада.

— Да, тётя, эта буря великолепна, — согласилась я. Вдалеке виднелся маяк: о его стены содрогались волны и снова падали.

— Посмотри вдаль, — сказала тётя. — Видишь маяк?

— Да, — ответила я.

— В нём живёт отважный человек — смотритель маяка. Я с ним лично знакома. Так вот, в такие моменты он, знаешь, что делает в своём маяке? — спросила тётя.

— Понятия не имею. Наверное, следит, чтобы волны не дошли до его единственных окон на самом верху и не затопили всё его имущество... — ответила я, а потом добавила: — Будь я на его месте, я бы очень страшно и с волнением переживала такие бури.

— Может быть, всё и так, — согласилась со мной тётя. — Мы видим лишь верхушку айсберга. Но правда заключается в том, что он сидит с кружкой кофе в кресле-качалке на самом дне маяка и читает книги, нисколько не переживая, что на улице шторм.

— Это как? — я была сильно удивлена. Кто же сможет сохранять спокойствие, когда бушуют такие вулканы?

— В том-то и парадокс жизни, Адочка. Ты ещё слишком молода и наивна, хоть и сама уже мать. Всегда надо сохранять душевное спокойствие — от этого зависит исход событий в твоей жизни.

— Но как это делать, когда бушуют вулканы? — удивилась я.

— Всё приходит с нажитым опытом, — ответила тётя. — А ты чего пришла? Что-то хотела спросить или просто? А то я сегодня слишком устала: было два тяжёлых пациента с психическими расстройствами...

— Я и просто к тебе зашла, и спросить кое-что хотела. Скоро я уеду от тебя с Ириной, но ты так и не научила меня тем интересным картам, которым, между прочим, обещала научить, — сказала я тётя.

— А... — тётя как будто пробудилась ото сна. — Верно, припоминаю... Но не знаю, насколько ты к этому готова, дорогая племянница.

— Я готова, — ответила я уверенно. — Мне интересно.

— Ну раз интересно... — тётя встала из-за стола и подошла к окну, где продолжала бушевать стихия: морские волны разбивались о маяк. Она прикрыла окно толстой бархатной шторой и стала зажигать на столе дополнительные свечи. После этого достала из стеклянного шкафа тот самый светящийся лиловый шар, который я видела четыре года назад, и снова села за стол. Вытащила из ящика стола бархатную салфетку тёмно-фиолетового цвета и аккуратно развернула её. В ней лежали те самые карты Уайта.

Тётя аккуратно стала раскладывать карты в ряд и параллельно говорить:

— Вот смотри, Адольфия, в этой колоде 78 карт. Тут есть старшие арканы и младшие. Это тебе сейчас ни о чём не говорит — просто запомни это. Сейчас ты можешь посмотреть на карты и сказать, какие эмоции они у тебя вызывают. Я вкратце буду давать тебе интерпретации, а потом мы сделаем с тобой несколько раскладов.

— А для чего они вообще нужны? — спросила я, пока тётя аккуратно раскладывала карты в ряд, чтобы я их лучше разглядела. Все были с интересными изображениями: где-то человек висел вверх ногами, где-то стояла женщина и разливала воду из кринки, было нарисовано колесо фортуны со странным зверьком, причудливые рыцари на конях, короли и королевы.

— Нужны они, Адочка, для понимания внутреннего состояния человека. Это как психологический приём, который мы используем для душ тех, кто к нам приходит.

— Я слышала, что на них гадают, — сказала я.

— Гадают цыганки в трактире! — отрезала тётя. — Грубые и не понимающие личности, которые мнят себя великими гадалками и врачевательницами человеческих душ!

Потом она немного успокоилась и продолжила:

— Что-то, конечно, в этом есть... Некоторые даже делают переводы на этих картах...

— Это как? — не поняла я.

— Этого тебе лучше не знать. Но одно скажу: меняя судьбу себе, ты меняешь судьбу ещё как минимум десяти людей, которые с тобой общаются очень близко. Это опасно, Ада. Я за такое не берусь и другим не советую, — добавила тётя.

— Согласна с тобой. Менять наши судьбы может только Бог, — ответила я тёте.

После этого мы с ней изучали названия карт и их интерпретации. Тётя учила меня разным раскладам и их значению.

Я быстро схватывала их названия и значения. Потом в течении нескольких дней тётя даже оформила мне экзамен по картам Таро. Я его сдала с ее умными комментариями. К тете у меня были куча вопросов но тётя мне отвечала так: По мимо твоего взросления и опыта общения с людьми, Адочка, ты будешь все лучше и лучше разбираться в картах, потому что они всегда будут показывать те значения и подсказки, которые будут соответствовать тому человеку с которым ты будешь общаться и какую помощь он будет у тебя просить. Ты научишься дорогая.

А потом мы получили грустное известие из за которого мы с Ириной вернулись в Россию немного раньше того, когда планировали. Мой отец скорпостижно скончался, и все тяготы работы нашего поместья и его исследований ложились на мать. На следующий день, на корабле, который нам нашла тётя, мы уплыли обратно в Россию. Я взяла с тётки слово что она когда ни будь все же вернётся в Россию и мы с ней ещё увидимся на этом свете.

ГЛАВА 5

Возвращение в Россию

В течение недели мы с дочерью Ириной плыли домой на корабле, который для нас организовала Литиция. Всё это время меня не покидало тяжёлое чувство: я бесконечно переживала за мамушку и непрестанно молилась за отца, чтобы Господь принял его душу и простил все грехи — вольные и невольные. По ночам я плакала, пока Ирина спала.

Дочь так и не успела познакомиться со своим знаменитым дедом. Мы переписывались с родителями всё время, что я жила у тётушки, но отец видел внуку лишь на фотографии — той самой, что мы с Литицией сделали, когда Ирине исполнилось два года.

Всё путешествие я не снимала траур и огромную чёрную шляпу с шалью. Не было желания ни с кем разговаривать или заводить знакомства. Ирина же находила себе занятия: то завожённо наблюдала за небом и чайками, то погружалась в чтение детских книг — тётушка успела собрать для неё целую библиотеку. Все книги были на греческом языке.

Надо отдать должное Литиции: помимо того, что она обучала меня наукам, тётя занималась и с моей дочерью. К пяти годам Ирина уже владела греческим, английским, немецким — как основными языками — и, разумеется, русским.

Однажды вечером, перед сном, листая очередную книгу, дочь вдруг спросила:

— Мама, почему Золушка такая глупая?

— Почему ты так решила? — удивилась я.

— Ну, разве это нормально, что ты шьёшь платья своим старшим сёстрам, перебираешь горох и крупу, слушаешься их во всём и потакаешь неродной матери? Почему бы им с отцом не выгнать их из дома? Зачем они позволяют себя унижать? — спросила Ирина.

— Честно, не знаю, что тебе сказать, Ира, — ответила я. — Я тоже не понимаю, как такое может быть. Но если бы не тот бал и фея-крёстная, она, видимо, так и не познакомилась бы с принцем. Это исход дела, и это главное.

— Но ведь этот урок её ничему так и не научил! — возмутилась дочь. — Вдруг пройдёт время, в их замке появятся странные родственники, и принц скажет, что Золушка тоже должна шить им платья...

— Возможно, так и будет... а может, и нет, — задумчиво ответила я.

Странно... Мне никогда и в голову не приходило задуматься о другой стороне этой сказки — а она выглядела совершенно нелепой, и я с этим соглашалась. Я сама никогда не понимала, как можно терпеть издевательства со стороны родных людей — пусть и не родных по крови. Но то, что отец позволял так обращаться с родной дочерью, никак не укладывалось у меня в голове.

— Я бы на её месте уехала в путешествие и сбежала от этого принца — прямо как мы с тобой, — хихикнула Ирина.

— Ну, мы с тобой не от кого не сбегали, доченька. Мы едем к моей маме, к твоей бабушке, дорогая.

— А у бабушки нет неродного мужа и детей, которые будут заставлять меня шить им платья, когда я вырасту? — испуганно спросила дочь, кутаясь в одеяло.

— Нет, нет и никогда не будет, — улыбнулась я и погладила Ирину по голове. — У бабушки был дедушка, но он улетел далеко на облака. Других дедушек ей не надо, и неродных детей тоже.

С этими словами я почувствовала, как на щеке блеснула слезинка.

Корабль медленно приближался к родным берегам. Впереди ждала новая жизнь — без отца, но с матерью, которая теперь нуждалась в нашей поддержке. Я знала: предстоит много

работы — и по поместью, и с научными материалами отца. Но рядом была Ирина — моё утешение и опора.

Глядя на её безмятежное спящее лицо, я мысленно пообещала себе: сделаю всё, чтобы её детство было защищено от боли и несправедливости. Пусть она никогда не узнает, каково это — жить в ожидании чуда, вместо того чтобы бороться за своё счастье.

На пороге родных берегов.

На пятый день путешествия мы должны были причалить к родным берегам. Утро выдалось на редкость солнечным — я искренне радовалась этому дню. Одев лёгкое, но тёмное платье, а дочь — в наряд цвета фиалки, мы вышли на палубу. Морской воздух, свежий и бодрящий, тут же окутал нас.

Не успела я и глазом моргнуть — ветер сорвал с головы шляпу.

— Ах! — только и вырвалось у меня.

— Мадам, вы обронили! — раздался голос сзади.

Я обернулась и увидела рядом с нами молодого человека, почти подростка, довольно полного. *«Явно англичанин»*, — мелькнуло в голове.

— О, спасибо! — ответила я по-английски.

— Не стоит, я русский, — улыбнулся он. — Но очень хорошо знаю английский.

— О... — смущённо улыбнулась я, поправляя шляпку.

— Меня зовут Дмитрий Пахомкин. Я путешествовал с родителями, теперь возвращаемся в Россию. — Он заметил амулет Всеволода у меня на шее и добавил: — Вы тоже увлекаетесь древними амулетами?

— Я? О, я много чем увлекаюсь. Амулетами пока только интересуюсь, собираю коллекцию, — ответила я.

— Могу многое рассказать о них. У моих родителей огромная библиотека в Москве. Я планирую открыть там антикварную лавку, но библиотека останется навсегда, — сказал Дмитрий. — Как вас зовут, сударыня? И как величать вашу милую дочь?

— Меня — Адольфия Братиславская, дочь — Ирина, — представилась я.

— О, вы дочь глубокоуважаемого мной Петра Братиславского, так скоропостижно скончавшегося?.. — Дмитрий опустил глаза.

— Да, вы правы, — подтвердила я и направилась в столовую.

В столовой мы нашли свободный столик. Дмитрий попросил разрешения присоединиться — я не возражала. За неделю молчания хотелось с кем-то поговорить, пусть даже с подростком.

— Адольфия, я вас не смущаю своим присутствием? — спросил он, смущаясь, разглядывая поданную творожную запеканку.

— Нисколько, — улыбнулась я. — Дмитрий, сколько вам лет, что вы уже увлекаетесь древними амулетами и имеете столь далеко идущие планы на будущее?

— Мне семнадцать. Но путешествую с родителями лет с пяти, — ответил парень.

— Как мне! — вставила Иринка. — Мне тоже пять, и я путешествую с мамой первый раз. Мы едем к бабушке, у которой нет чужих детей.

— Ира, — улыбнулась я и многозначительно посмотрела на дочь.

— Я был такой же, как Иринка, — поддержал её Дмитрий. — Но с каждым путешествием становился умнее, и мысли уносили меня туда, где я хочу быть и что делать.

— И что же вы хотите, Дмитрий? — поинтересовалась я.

— Хочу развивать свои мысли, доносить до людей то, что узнал, передавать накопленные знания. Мои родители — учёные в области древних амулетов, владеют огромной библиотекой древних знаний. Амулеты бывают странные и очень мощные: с их помощью можно наделить человека недюжинной силой — или всё отобрать. Всё зависит от того, на что он заговорен, —

ответил Дмитрий и загадочно посмотрел на меня. — Признайтесь, Адольфия, вы не намного старше меня, но уже владеете древними знаниями и изучаете это?

— Ну, спрашивать возраст у дамы, в любом возрасте, как минимум неприлично, — парировала я. — А то, что я интересуюсь науками, неподвластными обычным людям, верно подмечено. Да, владею когнитивным гипнозом и изучаю карты Таро для своей практики.

— О, эту науку я освоил в тринадцать лет и продолжаю развиваться. А вы работаете на своей энергии или берёте из потока? — задал следующий вопрос Пахомкин.

— Откуда? — удивилась я.

— Из потока, абсолюта, энергетического канала... Проще говоря, не используете свою энергию, не растрчиваете, — попытался объяснить Дмитрий.

— Такого я не знаю, — честно призналась я.

— Очень рекомендую не работать только на своей энергии — нецелесообразно, быстрее будете уставать, — посоветовал Дмитрий, размешивая ложечкой кофейную пенку.

— Откуда вы всё это знаете? — удивилась я, но взяла информацию на вооружение. *Надо по прибытии написать письмо тётке — у меня появилось много вопросов, которых я ещё не знала до конца. А путешествие оказалось весьма занимательным.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.